

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**ВАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

Рец. на кн.: Багаев М.Х. Культура Горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.). М.: Наука, 2008. 455 с.

В академическом издательстве «Наука» вышло в свет крупное монографическое исследование известного археолога-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Чеченской и Ингушской республик Мусы Хароновича Багаева. Оно посвящено актуальной научной теме – изучению культуры сопредельных горных зон Чечни и Дагестана на протяжении длительного временного промежутка, охватывающего скифский, сарматский и раннесредневековый периоды. Научная значимость этой темы определяется несколькими показателями. В числе важнейших из них – ее слабая исследованность, несмотря на накопленные, но до последнего времени остававшиеся непроанализированными яркие археологические материалы из раскопок на территории горной Чечни. Выбранные значительные хронологические рамки (VI в. до н.э. – XII в. н.э.), которые специально обосновываются автором, также обуславливают несомненную научную значимость и актуальность темы исследования – изучаемый период включает важнейшие исторические этапы, характеризующиеся существенными сдвигами в социально-экономическом и этнокультурном развитии региона, представляющего собой специфическую географическую и культурно-историческую провинцию Кавказа.

Особо следует отметить, что монография М.Х. Багаева является первым комплексным исследованием, в котором на основе широкого круга археологических источников освещаются вопросы развития культуры горных Чечни и Дагестана на протяжении более полутора тысячелетий. Данное исследование выступает своего рода логическим продолжением работ отечественных археологов-кавказоведов, направленных на показ этнокультурной общности и преемственности в развитии данного региона на протяжении нескольких тысячелетий. Я имею ввиду труды А.П. Круглова, Р.М. Мунчаева, М.Г. Гаджиева, В.И. Марковина, В.Г. Котовича, О.М. Давудова, Р.Г. Магомедова, Г.Д. Атаева и др. специалистов по эпохе энеолита, ранней, средней и поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа, в которых продемонстрированы этнокультурное единство и преемственность археологических культур региона в течение IV–II тыс. до н.э.

Рецензируемая монография М.Х. Багаева состоит из Введения, двух частей, включающих по три главы, и Заключения. Неотъемлемой частью исследования выступают Приложение с описанием погребальных комплексов Галайтинского, Харачойского, Дайского и других могильников Чечни и богатый иллюстративный материал (250 иллюстраций), наглядно демонстрирующий археологическую базу работы. Структурное построение монографии дает возможность в достаточно полном объеме для настоящего уровня знания осветить поставленную проблему. Логичным выглядит и концентрация автором своего внимания на ряде обширно

исследованных погребальных памятников горной Чечни, выступающих основными и материалы которых до настоящего времени оставались неопубликованными.

Во Введении автор всесторонне показывает актуальность и значение выбранной научно-исследовательской темы, определяет цели и задачи работы, ее научную новизну и практическую значимость. Здесь же представлена краткая физико-географическая характеристика региона, характеризующая роль окружающей среды, ландшафта в формировании и развитии древней, специфического облика культуры исследуемой территории.

М.Х. Багаев оправданно выделил в работе две части, посвященные соответственно древности (скифо-сарматская эпоха) и средневековью (V–XII вв.). Обе части предваряют обстоятельные источниковедческий и историографический обзоры (главы 1 и 4), рисующие в целом картину изученности темы и демонстрирующие базу исследования, возможности, объем и качественный уровень используемых археологических источников. Автор не оставил без внимания труды многих своих предшественников, как безвременно ушедших от нас, так и ныне здравствующих, внесших огромный вклад в изучение различных вопросов истории и археологии изучаемого региона и всего Кавказа.

Глава 2 посвящена изучению материалов Галайтинского 2-го могильника сарматского времени, открытого еще в 1974 г. и исследовавшегося автором на протяжении ряда лет. Важность отвода специальной главы данному археологическому объекту диктуется, прежде всего, тем, что это один из центральных и интереснейших памятников изучаемого периода на территории горной Чечни, материалы которого в полном объеме не были введены в научный оборот. В соответствующих параграфах автор предпринимает сравнительный анализ погребальных обряда и инвентаря этого неординарного объекта на фоне иных памятников региона, рассматривает вопросы его хронологии. Представленный М.Х. Багаевым анализ рельефно показал близкие и даже идентичные основополагающие черты в погребальной обрядности и в инвентаре, отражающие сходные духовную и материальную культуру сопредельных районов Дагестана и Чечни.

Глава 3, являющаяся заключительной в первой части монографии, представляет собой, как озаглавлено, «культурно-исторический очерк» исследуемого региона скифо-сарматского времени. Здесь автором представлена общая характеристика бытовых памятников (городищ и поселений) и рассматриваются особенности и специфические черты погребальных обряда и инвентаря. При рассмотрении относительно немногочисленных бытовых памятников Чечни, как представляется, следовало больше внимания уделить характеристике их геоморфологической ситуации, топографии, отразившей влияние ландшафта и другие факторы на выбор места поселения. В главе М.Х. Багаев выделяет и подчеркивает общие, объединяющие черты культуры, свойственные населению горной Чечни и Дагестана сарматского времени и отобразившие предшествующее культурно-историческое единство и преемственность этих областей.

Как уже отмечалось, вторая часть книги посвящена исследованию средневековой (V–XII вв.) культуры горных зон Чечни и Дагестана и открывается источниковедческо-историографической главой (глава 4). В ней автор, в частности, концентрирует внимание и на некоторых спорных вопросах в характеристике и оценке этнокультурной ситуации в регионе в раннесредневековый период.

Следующая глава отведена характеристике раннесредневековых могильников Чечни и Дагестана. Основное внимание автор уделяет изучению Харачойского и

Дайского могильников, многочисленные материалы которых до настоящего времени не были в полном объеме введены в научный оборот. В параграфах главы М.Х. Багаев дает типологию погребальных сооружений, исследует погребальный обряд, инвентарь, рассматривает вопросы хронологии.

Заключительная глава 6, озаглавленная «Хозяйственные и этнополитические реалии горцев Северо-Восточного Кавказа в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.», выступает обобщающей и подводит итоги проведенного автором исследования. Сразу замечу, что в названии главы правильнее было бы указать на этнокультурные, нежели этнополитические реалии, ибо речь идет, главным образом, об этнокультурном развитии и взаимодействии, нежели о процессе политогенеза. К сожалению, имеющиеся археологические материалы не позволяют в должной мере исследовать вопросы хозяйственно-экономического состояния и развития горной зоны Чечни на протяжении рассматриваемого в работе периода, на что указывает исследователь; в особенности это касается таких важнейших отраслей как земледелие и скотоводство, что связано в большой мере с крайне недостаточным археологическим изучением поселений. Вместе с тем, диссертант определяет здесь и задачи будущих исследований в данном направлении.

Особый интерес представляет второй параграф главы, посвященный проблеме взаимоотношений местных оседло-земледельческих и пришлых кочевых племен. Здесь М.Х. Багаев поднимает ряд важных аспектов, подчеркивая нерасчленимое хозяйственно-экономическое единство гор и равнины, показывая, что плоскость, равнины Северного Кавказа являлись не чуждой средой, а органичной составляющей общесеверокавказского «дома», хотя и периодически подвергавшейся иноэтническим «вливаниям», которые обуславливали специфический облик ее культуры.

Автор акцентирует внимание и на этнолингвистическом аспекте проблемы, демонстрируя, что понятие «равнина» в нахских языках являет собой неотъемлемую часть общего этнокультурного и экономического пространства, что нашло отражение и в характерных нахских этнонимических единицах – *ламарой/ламанан нах* ‘горцы/горные нахи’ и *нохчи/ арара (охъара) нах* ‘нахи/равнинные (нижние) нахи’. Отметим, что подобное этнонимическое разграничение, обусловленное разными хозяйственно-культурными типами и средой обитания, представлено и у аварцев Дагестана, которые разделяются собственно на *маарулал* ‘горцы’ и *хиндалал* ‘долинники’. По предположению М.Х. Багаева, названные две нахские этнические группы, каждое из которых объединяло в своем составе серию обществ и тайпов, отражают сложившиеся в I тыс. н.э. два племенных союза – горный и равнинный, которые затем вошли соответственно в состав раннегосударственных образований Северного Кавказа – Дзудзукети (Дзурдзукия) и Алания. Это весьма продуктивное положение нуждается, на мой взгляд, в дальнейшей разработке на основе сопоставления и сравнительного изучения горных и равнинных археологических памятников (в особенности, могильников). Вместе с тем, следует учитывать и то, что часть горских (а не только и не столько равнинных) нахских (праингушских?) обществ, обитавших в горной зоне Центрального Кавказа, как можно судить по некоторым археологическим и топонимическим данным, также вошла в состав Аланского государства.

Какаясь вопросов сложной и многосторонней проблемы формирования нахских этносов, М.Х. Багаев, вслед за своими предшественниками, обращает внимание на наличие целого ряда этнонимов в сочинениях позднеантичных и ранне-

средневековых авторов, которые могут рассматриваться как нахские племенные обозначения. Правда, в их ряду следует исключить *гаргаров*, этноним которых неверно сопоставлялся с самоназванием ингушей *галгай* (Крупнов Е.И. и др.) и язык которых, как известно, лег в основу разработки в начале V в. кавказско-албанского алфавита. В свете новейших открытий (я имею в виду открытие и дешифровку проф. З. Алексидзе албанских рукописей монастыря св. Катерины на Синае) *гаргаров* следует однозначно относить к кругу собственно албанских племен, а язык их, используя современную лингвистическую терминологию, – к лезгинской подгруппе нахско-дагестанской группы языков (*Гаджиев М.С.* Албанское письмо: история и современность // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Под ред. акад. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2007. С.32–37). Замечу также, что понятие *гаргар* как обозначение родственника, соседа присутствует (в различных формах) не только в чеченском, ингушском и бацбийском языках, но также в ряде аваро-андо-цезских, цахурском, рутульском.

В данном пассаже автору следовало использовать статью В.Н. Кобычева по этногенетическим преданиям чеченцев и работу Г.Д. Гумбы «Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII века»)» (Автореф. канд. дис. Ереван, 1988). Добавлю также, что фигурирующий в «Армянской географии» (VII в.) и у Фавста Бузанда (V в.) этноним *пox/пux* может сопоставляться с названием нахской этнической группы *пхо (пхий)* ‘пховцы’ (от нахск. *пхъа* ‘человек’), именем которых, по сведениям Вахушти Багратиони, в старину именовались Пшавское и Хевсуретское ущелья, и имя которых закрепилось за названиями селений *Пхоели* (в Сигнахском уезде) и *Шуа-п’хо* (в Тионетском уезде), причем *Шуа-п’хо* значит «середица (страны/земли) Пхо».

В связи с решением вопросов этногенеза и ранней этнической истории нахских народов М.Х. Багаев представляет свой общий взгляд на этапы их формирования, предпринимает небезуспешную попытку выделения ряда археологических этнодифференцирующих артефактов, этноопределяющих маркеров, которые могут быть связаны с древним нахским массивом. Вместе с тем, отмечу, что автор осознает, что поставленные им вопросы, выдвинутые догадки и положения небеспорны и требуют дальнейшего обоснования и разработки.

В Заключение своей книги автор подводит итоги своего крупного и многогранного исследования, суммируя выводы и наблюдения, полученные в ходе работы.

М.Х. Багаевым проделана огромная работа по систематизации и классификации богатого археологического материала, который, к большому сожалению, в результате известных военных событий в значительной степени оказался утраченным. Красной нитью через всю книгу проходит и веско обосновывается идея этнокультурного единства сопредельных территорий Чечни и Дагестана, идея генетической преемственности культур этого региона раннежелезного века и раннего средневековья от предшествующих культур бронзового века. Это находит параллели по многим представленным археологическим параметрам, характеризующим материальную и духовную культуру их носителей.

Отмечая несомненные положительные стороны труда М.Х. Багаева, считаю необходимыми указать и на некоторые имеющиеся в работе недочеты.

Исследование Р.Г. Магомедова, на которое ссылается автор, посвящено эпохе средней, а не ранней бронзы (с. 6). По всей видимости, это досадная оговорка.

Мне представляется, что галайтинские каменные ящики с основным захоронением и представленными в них немалочисленными отдельными черепами людей (от 5 до 10), как и подобные им на территории Дагестана (например, погребения Андрейуальского 2-го и некоторых других могильников) в основной массе являются собой не жертвоприношения социально зависимых членов общества (в отличие от имевшего место такого обряда), а «остатки» ранее погребенных в этих долговременных усыпальницах, существовавшие религиозные представления о голове как «вместилище души». Но в любом случае к каждому такому комплексу следует подходить индивидуально и с учетом серии факторов.

На памятниках Дагестана албано-сарматского времени обнаружено около 10 кинжалов, а не 3 экз. (как отмечено у О.М. Давудова, на которого ссылается автор) – не учтены опубликованные экземпляры из Дербента (2 экз.), Ганзира (2 экз.), Калкни и др. То же касается находок наконечников копий (около 30 экз.).

Некоторые изделия, характерные для территории Чечни (например, т. наз. птицевидные бляхи, навершия булав, гладкие массивные гривны с отогнутыми фигурными концами, некоторые типы украшений и др.) не представлены на памятниках Дагестана, как не представлена на памятниках Чечни серия предметов, типичных для памятников Дагестана (различные типы серо- и чернолощеной керамической посуды, красноангобированная керамика, т. наз. бежтинские пряжки, массивные полые височные подвески с 14-гранниками и др.), что подчеркивает своеобразие материальной культуры населения этих областей в сарматский и раннесредневековый периоды и позволяет выделить самостоятельные локальные варианты. Мне представляется, что автору необходимо было обратить большее внимание и на эти особенности культуры, подчеркивающие их самобытность.

В монографии следовало уделить внимание и таким неординарным, но весьма многочисленным находкам, как бронзовые культовые антропоморфные статуэтки, ареал распространения которых охватывает сопредельные горные зоны Дагестана и Чечни. Они отражают общие религиозно-идеологические представления древнего населения этой территории. Хотя мнения об их датировке весьма разнятся (от предскифско-скифского времени до раннесредневекового периода включительно; см. работы В.И. Марковина, О.М. Давудова, М.С. Гаджиева и др.), тем не менее, они входят в хронологический диапазон рассматриваемой монографии.

Упомянутые в книге Хабадинский, Гапшиминский и Сумбатлинский могильники располагаются не в Южном Дагестане (с. 88), а в его центральной части.

Появление и последовавшее затем распространение на территории горного Дагестана в период раннего железа грунтовых ям, на наш взгляд, следует связывать не с традицией, восходящей к каякентско-харачоевской культуре (с. 121), а с южной, закавказской инновацией, о чем в свое время писал О.М. Давудов.

Наконец, обращаю внимание на то, что на приложенной к работе карте (с. 453, рис. 250) неверно обозначены примерные границы нахско-дагестанской общности, которая занимала значительно больший ареал, нежели представленный на ней.

Сделанные замечания неизбежны в подобного рода масштабных работах, охватывающих широкий хронологический диапазон и большой круг проблем и вопросов. Но обращаю внимание, что они, являющиеся в большей степени частными, не носят существенного, принципиального характера. И это подчеркивает положительную оценку важного труда М.Х. Багаева.

Автор продолжительно и плодотворно работал и работает в обозначенном научном направлении, сочетая полевые и кабинетные исследования. И необходимо заметить, что рецензируемая книга М.Х. Багаева подводит итог его многолетним разысканиям. Но наряду с этим в ней поставлены или намечены пути дальнейшего решения многих важных вопросов археологии и истории Северо-Восточного Кавказа. Большинство сделанных автором выводов, заключений, основанных на тщательном анализе археологического материала, весомо обоснованы. Особо хочу отметить, что автор, несмотря на все перипетии нелегкой судьбы и трагические события, постигшие его народ и его очаг, не взирая на трудности и лишения, остался верен своей научной стезе.

В заключении подчеркну, что исследование М.Х. Багаева является важным вкладом в изучение сложных проблем культурно-исторического развития Восточного Кавказа в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и будет способствовать их дальнейшему освещению.

М.С. Гаджиев